

А.А. Пастушенко

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

О «земном и небесном» в морали знаменитых пиратов Англии (XVI в.)

Для средневековой Европы пираты сделали много полезных дел: от политической пропаганды и малой войны в Новом Свете до научных открытий в мире. Но, конечно, в перспективе главной их заслугой стало первоначальное накопление капитала, сильно сказавшееся на дальнейшем становлении богатств некоторых европейских стран.

В советской историографии хорошо представлена эта сторона пиратства позднего Средневековья. Разбойники изображались как лоцманы колониальной экспансии, агенты нового времени, глашатаи практицизма и ярые накопители первоначального капитала. При этом, эпизодически и мимоходом, оговаривалось, что у пиратов было на то моральное оправдание, прикрывающее истинный облик бандита¹. Западная историография, насколько нам известно, тоже не обошла эту проблему вниманием. Наиболее часто здесь все сводили к «протесту обделенного купечества»² или же выделяли патриотические начала в деятельности елизаветинского каперства³. При этом как в западной, так и в советской историографической традиции, история «морских псов» часто выставлялась в эмансипирующем свете, ее персонажи были детьми или «зари капитализма», или «века Реформации и Национального утверждения».

Исходя из того, что моральный аспект деятельности великих мореходов Английского королевства затрагивался в обеих историографиях, будет правомерно задать два взаимоисключающих друг друга вопроса: не выступала ли идеология елизаветинских пиратов в роли лицемерного оправдания для их преступлений против испанской монархии, и не являлась ли она все-таки их истинной настройкой мировосприятия? В связи с этим необходимо затронуть сам вопрос о пиратской морали, который, кроме того, представляется еще более важным в деле раскрытия самой сущности пиратства эпохи Ренессанса, требуя ответить на то, какой все же императив был в корне явления. Следует учитывать, что именно багаж

Андрей Александрович Пастушенко, соискатель кафедры истории Древнего мира и Средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. E-mail: hammer71083@datasvit.net.

¹ Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. М.; Л., 1965. 182 с.; Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. 158 с.; Яброва М.М. Из истории английских колониальных экспедиций во 2-й пол. XVI века // Ученые записки СГУ. 1956. Т. 27. С. 267–271; Яорова М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов., 1966. 150 с.

² Герхард П. Пираты Новой Испании. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 239 с.; Stockton F. R. Buccaneers and pirates of our coasts. New York: Grosset & Dunlap, 1898. 77 p.; William Wood Elizabethan sea-dogs. A chronicle of Drake and his companions. Yale: Yale University Press, 1918. 250 p.

³ Hoskins W.G. Devon. London: Collins St. James's place. 1954. 600 p.; William Wood Elizabethan sea-dogs. A chronicle of Drake and his companions. Yale: Yale University Press, 1918. 250 p.; Wilson D. The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577–1580. L.: Hamish Hamilton, 1977. 240 p.

нравственных ценностей в немалой степени определяет и регулирует поведение человека в обществе⁴.

Самым результативным и показательным для всей Европы XVI в. было пиратство Туманного Альбиона, чей опыт быстро перехватывался французскими арматерами, наиболее способными и многообещающими их учениками⁵. Следовательно, нет лучшего пути, чем изучить моральную сторону английского разбоя, которая, как пример для подражания, косвенно создает представление о популярных нравах среди пиратства в целом. Но как характеризовать английский разбой, не взяв за образец великих пиратов, слава о которых разносилась тогда по всей Англии в песнях и памфлетах. Они были примером для подражания многих, являясь, по сути, живой рекламой этого авантюрного промысла. Поэтому цель данной работы мы видим в изучении нравственного багажа этих своеобразных национальных героев Великобритании.

Морским разбоем главным образом занималось береговое дворянство. Особенно сильна эта тенденция была там, где недалеко от побережья проходили торговые коммуникации. Например, в XVI в. для испанских, португальских и английских (до 1568 г.) кораблей главным портом и складочным местом был Антверпен, поэтому пути вели купцов через воды, где обитатели Девонского побережья Англии чувствовали себя как дома⁶. Пиратство было настолько популярно, что даже королева писала в 1564 г. в одном из своих писем о том, что ей не раз докладывали о пиратах и разбойниках на этих берегах⁷. Совершенно не удивляет тот факт, что подавляющее большинство знаменитых пиратов Англии родом именно из Девоншира⁸. Их чуть ли не профессиональная ориентация была прямым результатом пиратской традиции области.

Безусловно, первопричиной девонского разбоя было стремление к наживе. Со временем пиратство жителей этого графства начало приобретать характер традиционного промысла, который переходил по традиции от старого поколения к молодому. Поэтому есть основания предполагать, что, как действие, имеющее в прошлом вескую причину разбогатеть, разбой некоторых родов из этих графств со временем потерял и оставил лишь символическую видимость былого серьезного основания к грабежам.

Рассмотрим, как пример, богатую девонширскую семью, из новых дворян, Хоукинсов. Так, старший сын состоятельного морехода Вильяма Хоукинса Вильям привлекался к суду за пиратство⁹, его младший брат Джон Хоукинс известен как пират-контрабандист, таким же пиратом был и сын Джона Ричард Хоукинс¹⁰. При этом семья Хоукинсов это одна из самых богатых и влиятельных семей Плимута, о чем говорит тот факт, что ее члены не раз избирались мэрами этого города. К тому же Хоукинсы имели в своем распоряжении небольшой торговый флот¹¹. Зачем они занимались разбоем, если и так были богаты?

Конечно, при решении указанной проблемы не следует обходить вниманием то, что свою определенную роль в существовании морского разбоя некоторых членов семьи Хоукинсов должен был сыграть обычай майората, бытовавший в Англии с давних времен. Джон Хоукинс, как второй сын, мог пиратским путем просто делать себе состояние, которого его лишили по причине единонаследия.

Безусловно, майорат — причина веская, и должен приниматься во внимание, если речь заходит о морском разбое Джона Хоукинса и ему подобных «рыцарей удачи». Но «вызов»

⁴ Вдовина Л.Н. Нравственные представления людей первой половины XVIII в. (В.Н. Татищев, И.Т. Посошков) // Вестник Московского ун-та. № 4. 2004. С. 27.

⁵ Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. — М.: Л., 1965. С. 121.

⁶ Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 80.

⁷ Gosse Ph. The History of Piracy., 1934 // Цит. по: Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. С. 81.

⁸ Delpar H. Drake, Sir Francis // The world book Encyclopedia. Chicago; London; Sydney; Toronto, 1994. Vol. 5. P. 320–321; Liloyd C.C. Hawkins, Sir John // Encyclopedia Britannica. Chicago; London; Toronto et al., 1968. Vol. 11. P. 185; Greenblatt S. Raleigh, Sir Walter // The world book Encyclopedia. Chicago; London; Sydney; Toronto., 1994. Vol. 16. P. 131; The New Universal Library. London., 1967. Vol. 3. P. 218; The New Universal Library. London., 1967. Vol. 5. P. 49–50.

⁹ Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. С. 81.

¹⁰ Герхард П. Пираты Новой Испании. С. 8.

¹¹ Hoskins W.G. Devon. London: Collins St. James's place, 1954. P. 204.

майората абсолютно несостоятелен уже в случае со старшим братом Джона Вильямом Хоукинсом, который вполне мог рассчитывать на львиную долю отцовского наследства и даже некоторое время занимал должность мэра Плимута¹². Нельзя также относить к влиянию майората возникновение разбоя другого девонширского дворянина-аристократа Ричарда Гренвиля, получавшего, как утверждает голландский современник Гренвиля мореход Ван Линсхотен, «значительные годовые доходы из своего личного наследства»¹³.

Напрашивается мысль, что для некоторых пиратов их морская деятельность вовсе не являлась следствием тяжелого финансового положения.

Итак, можно ли все плавания «морских псов» однозначно называть простой погоней за прибылью? На родине после авантюры, а некоторые и до нее, они могли называться богатыми людьми. Но разбойники все равно шли на новое предприятие, сильно рискуя не только подорвать свое здоровье, а лишиться жизни. В экономическом плане их состояние могло здорово пострадать от убытков неудачной экспедиции.

На первый взгляд напрашивается довольно ясная мотивация — ими руководили их черты характера, в которых доминировали страсть к разбою и неумное желание познать мир. Безусловно, это было, но необходимо уяснить, что эти люди понимали под совершаемым ими разбоем. Ведь главная цель заурядного пиратства — это личное обогащение, а что же было в нашем случае?

Судя по уверению высокородного капера Уолтера Рели, его старания служили «...славе и выгоде ее величества и английской нации»¹⁴. Преисполненный верноподданнических чувств, в своей «Гвианской империи» он часто пишет патриотическим слогом в честь королевы и народа Англии. Для мировоззрения Рели характерна неразрывность этих двух понятий: «Силы правителей в море, — утверждает он, — суть показатели величия государства»¹⁵.

Подобные Уолтеру Рели цели были и у пиратов-родственников, Френсиса Дрейка и Джона Хоукинса. Первый, добывая для королевы новые земли, приговаривал, что знает еще много способов отлично послужить ее величеству, а второй участвовал в спасении трона Елизаветы от католического заговора¹⁶. Пиратство было заядлым врагом испанского короля: разбойники защищали Англию от испанской угрозы в битве с Непобедимой Армадой, сражались у Азорских островов, совершали рейды к берегам Испании и ее колоний¹⁷.

В пользу того, что в дворянской среде XVI в. (а все великие пираты носили дворянское звание) был в моде этатизм, говорит отражающая в аллегориях действительность рыцарская литература того времени, которая не могла не заметить факт изменений в рыцарском образе английских дворян. Например, Филипп Сидни, пасторальный поэт, ставший национальным героем, в рыцарстве выделяет социальный аспект. «Это частное дело рыцаря, — пишет он, — все эти сражения с чудовищами и великанами. Достоин упоминания лишь спасение королевства, а о спасении девицы можно промолчать»¹⁸. Аллегория другого писателя Эдмонда Спенсера «Королева фей» изображает борьбу английского рыцаря Редкрасса с Сарацинским цар-

¹² Liloyd C.C. Hawkins, Sir John // Encyclopedia Britannica. Vol. 11. P. 185.

¹³ A Large Testimony of John Huighen van Linschoten Hollander, Concerning the Worthy Exploits Atchieved by the Right Honourable the Earl of Cumberland, by Sir Martin Frobisher, Sir Richard Greenville, and Divers Other English Captaines, About the Isles of the Azores, and Upon the Coasts of Spaine and Portugall, in the Years 1589, 1590, 1591, & c. Recorded in His Excellent Discourse of Voiages to East and West Indies, cap. 96. 97. and 99. // The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. England's Naval Exploits Against Spain. Collected by Richard Hakluyt / Ed. by E. Goldsmid. Edinburgh, 1884. Vol. 7. P. 76.

¹⁴ Рэли У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи / пер. А. Д. Дридзо. М., 1963. С. 42.

¹⁵ Raleigh W. Discourse of the first invention of the ships and the several parts thereof // Цит. по: Колумб морская война, ее основные принципы и опыт. М.; Л., 1940. С. 29.

¹⁶ Малаховский К.В. Кругосветный бег золотой лани. М.: Наука, 1980. С. 31–32, 159.

¹⁷ Малаховский К.В. Пять капитанов. М., 1986. 425 с.

¹⁸ Sidney P. The Complete Works / Ed. by A. Feuillarot. Cambridge, 1926. Vol. IV.; Sidney, P. The complete works / Ed. by A. Feuillarot. Cambridge, 1912. Vol. I // Цит. по: Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 219.

ством. Кроме того, один из героев Э. Спэнсера, оставаясь рыцарем, отрекается от рыцарского образа жизни¹⁹. На этих примерах видно, что понятие «рыцарь» в творчестве Ф. Сидни и Э. Спэнсера гармонизирует с понятием «народный герой».

На мнение этих писателей специально стоит обратить внимание, потому что они были непосредственно связаны с пиратами: Спэнсер пребывал в тесной переписке с Рели²⁰, а Сидни в свое время присоединился бы к команде Дрейка, наперекор воле королевы, если бы этому не воспротивился сам Дрейк²¹.

Невозможно увидеть природу пиратского патриотизма XVI в. в отрыве от того исторического полотна, на котором действовали эти пираты.

Ситуация отличается большой напряженностью международных отношений Англии и Испании. В стране наблюдается депрессия и страх перед назревающей катастрофой в лице испанской угрозы. Многие ищут спасение в вере²². Вред, наносимый стране происпанской политикой Марии Тюдор, и страх перед порабощением католиками-иностранцами привели к невиданному ранее усилению патриотизма²³.

Положение вещей полностью соответствует выводу О.Л. Шахназарова: вскоре после появления национальной религии каждый народ преисполняется решимостью показать христианскому миру свое первенство в воплощении заветов Христа. В этих условиях также закономерны выступления против наднационального принуждения, каковым и является папизм²⁴.

Выходит, что осознание английской общности и исключительности у пиратов должно быть напрямую связано с их верой в Бога.

Действительно, многие пираты Елизаветы Тюдор были глубоко верующими людьми. Выросший в семье деревенского священника, Френсис Дрейк с ранних лет воспитывался в протестантской вере. Поэтому впоследствии он всегда любил подчеркивать тот факт, что он протестант. Нуньо да Сильва, португалец, нанятый Дрейком в ходе его кругосветного плавания, описывая пирата в своем отчете, заметил, что «...он читал псалмы и проповедовал»²⁵.

Другому, не менее известному разбойнику, Томасу Кавендишу один из его сподвижников, Френсис Притти дал лестный эпитет — «богобоязненный мистер»²⁶.

Приблизительно то же самое можно сказать и о других национальных героях Англии второй пол. XVI в. Во времена, когда вера насаждалась огнем и мечом, а воспитание личности во многом регламентировалось церковными нормами, вряд ли атеизм был мнением большинства, даже среди пиратов.

Единственным из елизаветинских пиратов, на ком некоторые из его современников ставили клеймо атеиста, можно назвать Уолтера Рели. Но мог ли атеист писать такое: «Я оставляю это предприятие на волю того, кто один только имеет власть над всем, и смиренно буду молиться»²⁷. Едва ли это только ритуальное выражение.

Невольно вспоминается многосторонний Макс Вебер, который основательно доказывал, — этика кальвинизма сформировала дух капитализма. А ведь именно под влиянием идей Кальвина тогда формировался пуританизм, ставший, по сути, английским вариантом этого течения²⁸. Можно соглашаться с М. Вебером или нет, а он все же доказал, что иногда вера есть стимулом к обогащению.

¹⁹ Spenser E. *The Faerie Queen*. L., 1893. // Цит. по: Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. М., 1993. С. 225, 234.

²⁰ Андреев М.Л. Рыцарский роман в эпоху Возрождения. С. 225.

²¹ Малаховский К.В. Пять капитанов. С. 95.

²² Wilson D. *The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577–1580*. P. 10.

²³ Английская реформация / под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1990. С. 46.

²⁴ Шахназаров О. Л. Роль христианства в политической жизни Западной Европы и России // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 62.

²⁵ Nuttall Z. *New light on Drake*, pp. 301–302 / Quoted in Wilson D. *The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577–1580*. P. 26.

²⁶ Пираты и разбойники / под ред. Г.И. Рябцева. Минск, 1996. С. 71.

²⁷ Рэли У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи... М., 1963. С. 37.

²⁸ Английская реформация / под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990. С. 4.

По словам М. Вебера, для кальвиниста наилучшим средством обретения уверенности в спасении есть неумная деятельность. Она прогоняет сомнения и дает уверенность в своем избранничестве. Следовательно, богатство деятельного человека, это символическая мера избранности Всевышним к вечной жизни²⁹.

Интересно, что именно в Девоншире, как утверждает английский исследователь В.Г. Хоскинс (W. G. Hoskins), во 2-й пол. XVI в. замечается «сильное выражение кальвинизма»³⁰. И это на фоне англиканской Англии.

Кальвинистская идея о предопределенности хорошо вписалась в создававшуюся во второй пол. XVI в. ситуацию: с восстановлением протестантской справедливости в Англии в ходу идеи воинствующей Церкви, важнейшей идеологической основой которой были представления о божьей избранности английского народа. В правительстве вынашиваются планы объединения всех протестантских сил Европы под эгидой Англии против католического зла в лице Испанского королевства³¹. Если раньше оправдание разбоя носило социальный характер, то теперь пираты решают религиозные, а заодно и политические задачи «для досаждения испанцу и перехвата его сокровищ, с помощью которых он беспокоит и подвергает опасности многие христианские страны и разжигает войны против последователей реформистской религии»³². Отсюда логичное высокое оправдание разбойных барышей.

Уолтер Рели, описывая свои разбойные похождения в Атлантике, постоянно указывает на большие трудности, которые он перенес «под дождем, и в непогоду, и под палящим солнцем», извинительно драматизируя, что он приучен «совершенно к другому попечению». Пират заявляет, он был бы счастлив, если бы его плавание истолковали «как мучительно-трудное паломничество»³³.

Для полноты картины необходимо еще добавить пример гибели Хэмфри Гилберта. Он взят из отчета вице-генерала последней экспедиции Гилберта и капитана судна «Золотая лань» Эдуарда Хейса.

Возвращаясь из пиратской экспедиции, разбойники узнали о приближении страшного шторма. На увещевания команды покинуть поврежденный флагман «Белка» и перебраться на более крупный корабль «Золотая лань» Гилберт ответил отказом. Когда налетела буря, небольшой флагман закономерно дал течь и начал идти ко дну. Но перед смертью сэр Гилберт успел кое-что прокричать на соседнее судно³⁴.

He set upon the deck,	Он встал на палубу.
The book [bible] was in his hand;	Книга [библия] была в его руке;
'Do not fear? Heaven is as near',	«Нет ли страха? Небеса рядом, —
He said, 'by water as by land!' ³⁵	Сказал он, — водным путем к ним как по земле!» ³⁶

Пиратский капитан, не теряя самообладания, сознательно разделил свою участь с кораблем и утонул с полной уверенностью, что попадет в рай, зная, что морскими деяниями исполняет волю Всевышнего.

После сказанного можно утверждать, что у пиратства, помимо экономической, была еще и сторона религиозно-политического порядка. Разбой расценивается самими пиратами как форма протеста против «испанского зла». Но только ли это? Попробуем пойти еще дальше в раскрытии их отношения к разбою.

²⁹ Вебер М. Избранные произведения / пер. П.П. Гайдено, Ю.Н. Давыдова. М., 1990. С. 149.

³⁰ Hoskins W.G. Devon. P. 232.

³¹ Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. С. 169.

³² Acts of the Privy Council of England. 1625–1626. L., 1934. P. 229 // Цит. по: Губарев В.К. Карибский узел колониальных противоречий // Вопросы отечественной и всеобщей истории : межвузовский научный сборник. 1987. С. 92–102.

³³ Рэли У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи / пер. А.Д. Дридзо. М., 1963. С. 34, 40, 48.

³⁴ Hayes Edward Sir Humphrey Gilbert's Voyage to Newfoundland // Voyages and Travels: Ancient and Modern. New York: P. F. Collier & Son Company, 1910. P. 109.

³⁵ Longfellow H.W. Sir Humphrey Gilbert // Quoted in Bailey T. The American Pageant a history of the Republic. P. 11.

³⁶ Перевод с английского сделан автором.

Уолтер Рели однозначно делит свою команду на джентльменов и людей, способных на все ради обогащения; т.е. явно противопоставляя по этому признаку одних другим³⁷. Как известно, Ф. Дрейк также выделял группу джентльменов из массы простых матросов³⁸.

Слово «джентльмен» в описываемое время носило классовый характер и означало благороднорожденный (*gentleman*), следовательно, это дворяне. Более того, личностный образец джентльмена это дальнейшее развитие рыцарской морали.

Осознание себя как джентльмена обуславливает определенные этические требования к своей персоне. Наряду с роскошью и ученостью нормой джентльменского этоса является храбрость, временами доходящая до дерзости³⁹. В атмосфере постоянной опасности морально пират-джентльмен ставит себя несоизмеримо выше простого разбойника и поэтому играет первые роли в любой критической ситуации. В подтверждении сошлемся на защитительную речь сэра Уолтера Рели в суде: «Ночью, однако, испанцы напали на них. Этого никто не ждал, и люди низшего разбору настолько были ошеломлены, что, если бы капитан и другие отважные джентльмены не выступили вперед и не ободрили остальных, — все были бы рассеяны и изрублены на куски»⁴⁰.

Из этой джентльменской среды в силу своего положения выделяется капитан-адмирал, который, что бы удачно руководить авантюрной кампанией, должен был не только психологически полностью соответствовать неписаным нормам этого общества, а и быть именно той органической частью, без которой оно не смогло бы нормально функционировать.

До чего подчас доходило картинное бесстрашие пиратских капитанов, иллюстрирует следующий случай. Во время битвы у островка Сан Хуан де Улуа, когда корабль пирата-работоторговца Джона Хоукинса подвергался ожесточенному обстрелу испанской флотилии, он сам, стоя на палубе, пил пиво из серебряного кубка. Выпив напиток, Хоукинс поставил кубок на фальшборт судна. Но в тот же момент посуда была сбита ядром. Обратясь к своей команде, сэр Хоукинс воскликнул: «Ничего не бойтесь, Бог, который спас меня от этого выстрела, избавит нас и от этих предателей и негодяев!»⁴¹.

Предводитель, а следовательно, и весь офицерский состав, это по своему положению лучшие из лучших людей на судне, которые к тому же опираются в своих действиях на корабельную дисциплину, поэтому пираты обязаны доверять им свои жизни. Как можно иначе объяснить безропотное повиновение команды пирату-джентльмену Ричарду Гренвиллю, когда он, считая бегство личным позором, одним кораблем сражался с целой испанской флотилией из 20 судов, на борту которой был экипаж в 7 тыс. человек. Результатом этого неравного боя у Азорских островов явилась гибель многих из команды и захват судна испанцами, у которых появилась возможность поближе ознакомиться с секретами английского судостроения⁴².

Благородные, рыцарские поступки требуют не менее благородных целей. Приведенное выше обращение Джона Хоукинса к команде было проникнуто смесью религиозного фанатизма с обидой на «предателей и негодяев». Он дает испанцам эти «лестные» эпитеты, потому что они обманули его в переговорах, вероломно напав на Хоукинса после уверений в дружелюбии и желании купить у него партию рабов. Не правда ли, благовидный повод для благородной мести? Только вот во что эта месть обернулась. Присутствовавший в том деле Френсис Дрейк позднее объяснил: когда он вместе с Хоукинсом плывал в испанскую Вест-Индию, их обманул вице-король Мексики дон Мартин Энрикес, нарушив данное слово, что

³⁷ Рэли, У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи... С. 150.

³⁸ Wilson D. The World encompassed. Drake's Great Voyage 1577–1580. P. 93.

³⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987. С. 127–155.

⁴⁰ Описание экспедиции Кеймиса [из защитительной речи сэра Уолтера Рели] // Рэли У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи... С. 150.

⁴¹ Малаховский К.В. Пять капитанов. С. 25.

⁴² A Large Testimony of John Huighen van Linschoten Hollander, Concerning the Worthy Exploits Atchieved by the Right Honourable the Earl of Cumberland, by Sir Martin Frobisher, Sir Richard Greenville, and Divers Other English Captaines, About the Isles of the Azores, and Upon the Coasts of Spaine and Portugall, in the Years 1589, 1590, 1591, & c. Recorded in His Excellent Discourse of Voiages to East and

обошлось им тогда в 7 тыс. песо «с тех пор я считаю, что король должен мне эту сумму, и теперь хочу ее получить»⁴³. Его цели, разумеется, должна была следовать вся команда.

Если цель Дрейка и Хоукинса заключалась в получении сатисфакции за нанесенную им личную обиду, то для Рели все обстояло в гораздо более глобальных масштабах. «Именно золото Индий (вывозимое Испанией и Португалией), — пишет он, — подвергает опасности и нарушает покой всех народов Европы. Оно покупает сведения, прокрадывается в советы и подрывает верность и свободу в величайших монархиях Европы»⁴⁴. Поэтому пират просто обязан его конфисковывать. Не корысти ради, а на благо общего дела.

Так оправдывались вообще, а вот так описывали разбой в отдельных случаях, которые не согласовывались с заданной целью. Однажды Дрейк и его пираты нашли на берегу спящего испанца, возле которого лежали слитки серебра. Свидетель пишет: «Нам никак не хотелось его будить, но, против нашей воли, мы доставили ему эту неприятность, так как решили освободить его от заботы, которая, чего доброго, в другой раз и не позволила бы ему заснуть, и покинули его, взяв его ношу, что бы она не беспокоила его больше и он мог бы продолжать свой сон спокойно»⁴⁵.

После таких строк создается впечатление, что написавший их пират либо шутник, либо умелый мастер слова, удачно выкрутившийся на бумаге в столь щекотливом вопросе, либо безнадежный джентльмен, своеобразно понимающий добро и зло. Для нас это не столь важно, главное, что само ограбление преподносится им в благородном тоне, пират, считая такое сопоставление вполне возможным, стирает грань между этими понятиями, уподобляясь средневековому рыцарю-разбойнику.

Знаменитые разбойники не были рыцарями в полном смысле этого слова. Рыцарское звание лишь характеризовало в понятной для всех форме их деятельность. Они ведь не проходили специальной школы из трех ступеней рыцарского постижения, в ранние годы не носили звание пажа и оруженосца, не следовали куртуазному культу. Но при этом, по крайней мере внешним своим проявлением, великое пиратство Англии демонстрировало свое соответствие допустимым для их деятельности рыцарским канонам (служение Богу и королю-сеньору, сочетание мстительных помыслов с христианской моралью, правило «честь выше жизни», страсть к авантюрным великим подвигам, сносное отношение к пленнику и т.д.). На первый взгляд абсурдный поступок Гренвиля был, по сути, выражением рыцарских традиций, которые в Англии были не менее сильны⁴⁶, чем во Франции, где Баярд в одиночку защищал мост против двухсот испанцев⁴⁷. Образцовые рыцари, как известно, ставили честь выше жизни.

В пользу того, что понятие о рыцарской чести нашло свое отражение в каперском промысле, показательным продемонстрировано в «Руководстве к взятию приза», которое было составлено капитаном Джоном Смитом в конце XVI в. Здесь из текста следует следующее. При встрече с вражеским кораблем необходимо назваться из какой страны ваш корабль и кто вы по национальности, а также объявить, что вы капер. В дальнейшем, уже во время сражения, в случае пожара на любом из конфликтующих кораблей, если они при этом находятся рядом, следует «благородно» помочь друг другу в тушении

West Indies, cap. 96. 97 and 99 // *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. England's Naval Exploits Against Spain. Collected by Richard Hakluyt / Ed. by E. Goldsmid. Edinburgh, 1884. Vol. 7. P. 66–78; A Report of the Trueth of the Fight About the Isles of Azores, the Last of August 1591, Betwixt the Reuenge one of Her Maiesties Shippes, and an Armada of the King of Spaine; Penned by the Honourable Sir Walter Raleigh Knight. // The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. England's Naval Exploits Against Spain. Collected by Richard Hakluyt / Ed. by E. Goldsmid. Edinburgh, 1884. Vol. 7. P. 55–62.*

⁴³ Показания Сен Хуана де Антона, которые он давал королевскому суду в Панаме 16 марта 1579 г. // Цит. по: Малаховский К.В. Пять капитанов. С. 70–71.

⁴⁴ Рэли У. Открытие обширной богатой и прекрасной Гвианской империи... С. 40–41.

⁴⁵ Цит. по: Пестушко В. Пират ее величества // *Вокруг света*. 2003. № 2 (февр.). С. 28–35.

⁴⁶ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. С. 148.

⁴⁷ Guyard M. Histoire de Pierre du Terrail, dit le Chevalier Bayard, Lyon, 1808 // Цит. по: Оссовская М. Рыцарь и буржуа. С. 172.

огня, затем «великодушно» выпить за здоровье врага и продолжить бой⁴⁸. Напрашиваются аналогии из рыцарского кодекса чести: перед боем назвать себя, а если противник упал с коня, великодушно подать ему руку и продолжить бой, спешившись. Параллели очевидны.

Подведем итоги: помимо банального желания обогатиться, были не менее солидные стимулы к разбою культурного характера и с ретроградным традиционным уклоном — рыцарство и религиозное рвение. Подчас эти культурные стимулы выступали основополагающими факторами в поступках тех или иных «морских псов». Ведь случаи, когда Гренвиль и Гилберт ради личных принципов расстаются с жизнью, никак не могут свидетельствовать в пользу давления над данными пиратами материальных соображений — этой «*auri sacra fames*» («к злату проклятой страсти»).

Традиция обыкновенная, традиция рыцарская, экономические и политические амбиции, пуританская этика, внутренние переживания пирата и его собственная философия, характерная предрасположенность к крайностям, — во всей своей совокупности были суммой факторов, которые привели в XVI в. к возникновению пиратских странствий Дрейка, Хоукинса, Гренвиля, Гилберта, Фробишера, Рели и им подобных «великих разбойников».

Summary

This article examines the morality of Elisabeth Tudor's 'sea dogs' — the most famous national heroes in such them morality's components as Knighthood and religious zeal and its influence for piratical activities. This work, being attempt to see non-material factors in sea robbery of English gentlemen, researches the attributes of cultural stimulus in noble's robbery.

⁴⁸ Smith Capt. John Directions for the Taking of a Prize \ William Wood Elizabethan sea-dogs. A chronicle of Drake and his companions. Yale: Yale University Press, 1918. P. 41–48.